

УДК 94; 323.2; 327

ЭВОЛЮЦИЯ АРКТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ФРГ

© 2023 ПОПОВ Иван Дмитриевич*

Кандидат исторических наук

Доцент кафедры всеобщей истории, Северный (Арктический)

федеральный университет имени М.В. Ломоносова

163002, Россия, Архангельск, Набережная Северной Двины, 17

***E-mail:** i.d.popov@narfu.ru

© 2023 ПОДОПЛЁКИН Андрей Олегович**

Кандидат исторических наук

Ведущий научный сотрудник лаборатории социокультурной динамики развития

Арктических регионов Российской Федерации, Федеральный исследовательский

центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова

Уральского отделения Российской академии наук

163000, Россия, Архангельск, Набережная Северной Двины, 23

****E-mail:** podoplekin@mail.ru

Поступила в редакцию 20.07.2022

После доработки 14.09.2022

Принята к публикации 26.12.2022

Аннотация. В статье прослежено развитие арктической стратегии Федеративной Республики Германии. Среди немецких официальных кругов сформировалось два противоположных подхода к ней: прагматический (нацелен на максимальное извлечение экономических выгод при скромных притязаниях на международно-правовое регулирование) и эгоцентрический (исходит из приоритета охраны окружающей среды и настаивает на активном международном позиционировании Германии). В течение 2010-х гг. прагматический подход постепенно вытеснялся эгоцентрическим. Германия все более скептически относилась к возможности предотвращения геополитической гонки в Арктике, поэтому планомерно расширяла военное присутствие в регионе. При этом константами оставались: опора на международное право и институты; стремление привнести в них более строгие экологические и технические стандарты; широкая финансовая поддержка арктических исследований и отстаивание их свободы; синхронизация с арктической политикой ЕС; учет интересов коренного населения; технологический экспорт; активное предотвращение глобального потепления и расширение сети морских охраняемых районов в Арктике.

Ключевые слова: арктическая стратегия, арктическая политика Германии, Арктика, Германия, российско-германские отношения, стратегические документы.

DOI: 10.31857/S0201708323010035

EDN: ortjrh

Предпосылки разработки арктической стратегии

Формирование арктического вектора как самостоятельного направления политики ФРГ происходит синхронно с другими неарктическими государствами Европы и Азии. При этом еще с кайзеровских времен Германия имела продолжительный опыт деятельности в Арктике в научной, экономической и военно-стратегической сферах. С середины XIX в. немецкие компании участвовали в индустриализации и электрификации приарктических территорий Европы, а рыболовецкий флот начал регулярный промысел в Баренцевом и Норвежском морях [Lindemann, 1869]. С 1990 г. ФРГ обеспечивала в среднем до 19% промышленного лова рыбы Европейского союза в морях Арктики в год [Rudloff, 2010: 12].

Эксклюзивное положение Германии в системе транспортировки и потребления газа из нынешней Арктической зоны РФ являлось ключевым фактором роста экономики страны с 1980-х гг. В 1970–2010-е гг. концерны ФРГ были ведущими подрядчиками на проектах создания инфраструктуры добычи и доставки газа в Европу. Одновременно складывалась зависимость германской промышленности и ЖКХ от заполярных месторождений нефти и газа России (в конце 2010-х гг. – до 57% импорта газа) и Норвегии [Попов, Подоплёкин, 2021: 112]. Это обусловило рост немецких инвестиций и технологического экспорта в Арктику и развитие коммерческих перевозок. В начале XXI в. 90% экспорта ФРГ осуществлялось морским транспортом, а страна обладала третьим по величине торговым флотом в мире и самым большим флотом контейнеровозов, что открывало широкие перспективы работы на Северном морском пути (СМП) [Grzela, 2015: 124]. Помимо роста торговых связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, СМП вызывал интерес из-за отсутствия пиратства и сокращения издержек (более короткое время пути, ниже расходы на страхование судов) [Grzela, 2015: 125].

Потребность в преодолении «ресурсного голода» немецкой промышленности стала предпосылкой лидерства Германии в полярных исследованиях [Haftendorn, 2012: 455]. С 1957 г. ГДР, а с середины 1980-х гг. ФРГ сотрудничали с СССР в изучении Арктики, что способствовало формированию кадрового и институционального потенциала арктических исследований [Белов, 2015: 43–45]. На долю России в дальнейшем приходилась подавляющая часть совместных проектов исследования региона [Котов, 2021: 50]. Исходящие из Арктики экологические угрозы и уязвимость приморских территорий Германии для климатических сдвигов придали новый импульс полярной науке. В 1980 г. открылся Институт полярных и морских исследований имени А. Вегенера (АИМ) с научно-исследовательским ледоколом «Полярштерн» («Polarstern») [Белов, 2016: 97]. В 1990 г. ФРГ вступила в Международный арктический научный комитет, в 1991 г. открыла исследовательскую базу

«Кольдевей» на Шпицбергене. В начале XXI в. страна финансировала больше проектов изучения региона, чем некоторые арктические государства [Leskien, 2021: 38]. Данные полярных исследований подтолкнули к политическим решениям. В 1987 г. создана комиссия Бундестага «Охрана земной атмосферы», рекомендации которой по вопросам изменения климата, уровня выбросов CO₂, рационального использования энергии и адаптации рынка к экологически ответственному управлению образовали основу арктической позиции ФРГ [Попов, Подоплёкин, 2021: 110].

Одновременно Германия привлекалась к работе в международных правительственных организациях, связанных с регионом: к концу 1990-х гг. страна стала наблюдателем в Совете Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), Арктическом совете (АС), участницей Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (*UNCLOS*) [Белов, 2016: 99]. К этому периоду относятся первые инициативы ФРГ, в первую очередь, идея Полярного кодекса в рамках Международной морской организации (*ИМО*) [Spohr, Hamilton, 2020: 300]. Он предусматривал единые технические и экологические стандарты для судов в полярных широтах. Несмотря на достижения, до 2010-х гг. у ФРГ отсутствовала комплексная арктическая стратегия, а проекты министерств и ведомств в отношении Арктики иногда не были согласованы друг с другом [Белов, 2015: 44]. В 2009 г. федеральное правительство заявило о следующих принципах арктической политики: опоре на международное право, участии на международных площадках по использованию ресурсов и охраны окружающей среды региона, продолжении финансирования *АИТ*, поддержке арктической политики ЕС, учете интересов коренного населения¹.

Реализация принципов зависела от коалиционного расклада в Бундестаге. В 2011–2012 гг. в ходе бурных дискуссий сформировались основные подходы к арктической политике. Находящиеся во главе правительства консерваторы (блок ХДС/ХСС) отталкивались от неарктического статуса Германии, призывали сосредоточиться на прагматических интересах (технологический экспорт, обеспечение энергоносителями и энергетическое сотрудничество, геологоразведка, инвестиционные и научные исследования, участие в освоении СМП) и считаться с интересами арктических держав. Похожей позиции придерживались либералы (СвДП), подчеркивая необходимость достижения свободы арктических исследований и их расширения [Попов, Подоплёкин, 2021: 113–114].

Левые партии (СДПГ, «Зеленые», «Левые») призывали к более широкой институциональной поддержке полярной науки и уделяли больше внимания экологической повестке (формирование международной сети морских охраняемых районов; ограничение добычи арктических морских ресурсов; заключение международного договора об охране арктических территорий по аналогии с Договором об Антарктике 1959 г.; разработка Полярного кодекса *ИМО*). «Зеленые» и «Левые» также стремились расши-

¹ Deutscher Bundestag. Drucksache 16/13276: Zur Energieaußenpolitik der Bundesregierung: Antwort der Bundesregierung auf die Große Anfrage der Abgeordneten Jürgen Trittin, Winfried Nachtwei, Volker Beck (Köln), weiterer Abgeordneter und der Fraktion BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN. 28.05.2009. P. 46–47. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/16/132/1613276.pdf> (дата обращения: 20.07.2022)

ритель полномочия действующих международных институтов (АС, Международного трибунала по морскому праву, Международного органа по морскому дну), ратифицировать Конвенцию МОТ № 169 о правах коренных народов, разработать единую арктическую стратегию ЕС, ограничить коммерческое судоходство до экологически совместимого уровня и активно участвовать в принятии решений, касающихся сохранения арктической экосистемы [Попов, Подоплёкин, 2021: 114–117]. Таким образом, оформились два основных подхода: 1) прагматический (ХДС, ХСС, СвДП), ориентированный на максимальное извлечение выгоды из текущего уровня проникновения в регион; 2) экоцентрический (СППГ, «Зеленые», «Левые»), исходящий из задач охраны окружающей среды и предполагающий активные действия по изменению международно-правового регулирования арктической экосистемы.

Эти подходы также наблюдались на уровне отдельных министерств. В 2011 г. Федеральное министерство образования и науки подготовило стратегию арктических исследований, имеющую естественно-научный и экоцентрический уклон и рассматривающую экономическую деятельность исключительно в интересах устойчивого развития¹. Напротив, в деловом и экспертном сообществах признавали зависимость конкурентоспособности национальной промышленности от доступа к минеральным ресурсам арктических районов России, Канады и Гренландии [Haftendorn, 2012: 447]. Этот подход нашел отражение в сырьевой стратегии ФРГ [Белов, 2016: 98]. В 2011 г. Федеральное министерство экономики и технологии подготовило Национальный генеральный план морских технологий (NMMT), нацеленный на экономические перспективы технологического сектора. В документе подчеркивались преимущества СППГ, ключевое значение арктических полезных ископаемых и превращение технологического экспорта в независимый сектор экономики².

Комплексная арктическая стратегия начала разрабатываться в 2011 г. в координации с принципами Арктической политики ЕС [Белов, 2016: 99]. Правящему кабинету, представленному ХДС/ХСС и СвДП, необходимо было учесть экоцентризм левых. Тем более, что на парламентских выборах 2013 г. последняя не смогла преодолеть проходной барьер, поэтому победивший на выборах блок ХДС/ХСС сформировал «Большую коалицию» с социал-демократами. На момент образования нового кабинета уходящий состав МИД в ноябре 2013 г. завершил разработку «Руководящих принципов германской арктической политики» (далее – «Руководящие принципы»)³. Отдельные проблемы арктического региона были впервые включены в коалиционный договор. Арктика упоминалась в разделе «Защита водоемов и морей», в котором правящая коалиция заявляла о стремлении создать международную сеть морских охраняемых районов, вести борьбу с чрезмерным выловом рыбы,

¹ Schnelle Veränderungen in der Arktis: Polarforschung in globaler Verantwortung. Berlin; Bonn. Bundesministerium für Bildung und Forschung. 2011. P. 3, 5–13.

² Nationaler Masterplan Maritime Technologien (NMMT): Deutschland, Hochtechnologie-Standort für maritime Technologien zur nachhaltigen Nutzung der Meere. Berlin. Bundesministerium für Wirtschaft und Technologie. 2011. P. 15–16.

³ Leitlinien deutscher Arktispolitik: Verantwortung übernehmen, Chancen nutzen. Auswärtiges Amt. 2013. 22 p.

установить точные правила глубоководной добычи нефти и газа, а также поддержать Европейскую комиссию по борьбе с морским мусором. Обозначалась также поддержка полярных исследований, обновление научно-исследовательского флота и приверженность «амбициозному глобальному соглашению о защите климата»¹. Данные заявления также содержались в коалиционном договоре 2018 г.² Тем самым ФРГ вошла в число первых неарктических государств, разработавших собственную арктическую стратегию [Dolata, 2020: 44].

Арктическая стратегия 2013 года

«Руководящие принципы» 2013 г. основывались на прагматическом подходе. В документе внимание уделялось запасам нефти и газа; месторождениям минерального сырья в регионе; возможностям для морских маршрутов, туризма и расширения рыболовных угодий; перспективам компаний в связи с «растущей потребностью в специализированных технологиях и ноу-хау»; созданию высококвалифицированных рабочих мест. Также высказывались надежды на расширение свободы судоходства³. Акцент делался на возможностях влияния в Арктике, где Германия зарекомендовала себя в качестве состоятельного партнера⁴.

Важной составляющей арктической стратегии 2013 г. являлось «мирное и устойчивое управление Арктикой с учетом высочайших экологических стандартов и принципа предосторожности». При потенциальной угрозе ущерба для окружающей среды (и даже при «отсутствии полной научной уверенности» в этом) должны приниматься срочные меры по ее предотвращению⁵. «Руководящие принципы» содержат следующие положения экологической политики Германии в Арктике: ориентацию на расширение морских охраняемых районов, ограничение коммерческого рыболовства, обеспечение устойчивого развития территорий, предотвращение таяния льда, снижение выбросов парниковых газов и черного углерода, разработку и внедрение высоких экологических стандартов⁶. Нашли также отражение ряд требований социал-демократов: пересмотр стандартов безопасности *ИМО* и разработка Полярного кодекса, создание международного механизма по борьбе со стихийными бедствиями, запрет на использование и транспортировку определенных масел, установление более жестких стандартов охраны окружающей среды и безопасности в Арктике⁷.

Решение экологических проблем основывалось на диалоге арктических государств, за которыми признавался суверенитет в отношении их территориального мо-

¹ Deutschlands Zukunft gestalten: Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD: 18. Legislaturperiode. 2013. P. 34, 50, 120.

² Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land: Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD: 19. Legislaturperiode. 2018. P. 8, 17, 36, 138, 142.

³ Leitlinien... 2013. P. 7, 9–10.

⁴ Там же. P. 7–10.

⁵ Там же. P. 5, 8.

⁶ Там же. P. 8–9, 20.

⁷ Там же. P. 9–10, 16.

ря и исключительной экономической зоны. Возможности влияния Германии на положение в Арктике связывалось с существующими международными институтами (АС, ИМО, Комиссия ОСПАР¹, НЕАФК², СБЕР, Круглый стол сил безопасности в Арктике) и действующим международным правом (Договор о Шпицбергене, Конвенция ООН по морскому праву, *UNCLOS*, Конвенция МАРПОЛ³, Соглашение о защите морской среды и биоразнообразия, Конвенция ОСПАР, Международная конвенция о защите биоразнообразия и др.). Через институты ЕС предполагалось косвенное участие в политике «Северного измерения» и взаимодействие с приарктическими государствами⁴.

Предметом озабоченности выступали следующие проблемы: 1) возможность геополитической гонки; 2) ограничение «свободного доступного пространства для исследований»; 3) угроза самоопределению, культуре и «естественным основам жизни» коренного населения⁵. Их решение предлагало «интеграцию арктического региона в систему многосторонней стабильности» и «превентивное укрепление доверия, сотрудничества и координации»⁶. Это свидетельствовало о перевесе прагматических соображений и понимании ограниченных возможностей влияния на арктическую политику.

Факторы изменения арктической стратегии в 2013–2019 гг.

С момента принятия «Руководящих принципов» 2013 г. в международной политике произошел ряд изменений, повлиявших на арктическую стратегию ФРГ. К ним относятся: 1) Парижское соглашение по климату 2015 г.; 2) Цели в области устойчивого развития (ЦУР) 2015 г.; 3) Международный кодекс для судов, эксплуатируемых в полярных водах (Полярный кодекс), реализованный в качестве поправок к Международной конвенции по охране человеческой жизни на море (2014 г.) и Конвенции МАРПОЛ (2015 г.); 4) Декларация о предотвращении нерегулируемого промысла в районе открытого моря Северного Ледовитого океана 2015 г., вводившая мораторий на коммерческое рыболовство в Арктике до уточнения информации об экосистеме [Dolata, 2020: 17, 33]. Германия стала переходить к инициированию значимых международных решений, наиболее известным из которых стал План действий по борьбе с морским мусором⁷.

Эти решения не только укрепили позиции эгоцентрического подхода и надежды на реалистичность участия в арктической политике, но и повлияли на смену научно-исследовательской стратегии, которая стала носить более интегрированный и социально ориентированный характер. В мае 2016 г. правительство запустило программу «*MARE:N* – Прибрежные, морские и полярные исследования для устой-

¹ Конвенция по защите морской среды Северо-Восточной Атлантики. – *Прим. ред.*

² Комиссия по рыболовству в Северо-Восточной части Атлантического океана. – *Прим. ред.*

³ Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов. – *Прим. ред.*

⁴ Leitlinien... 2013. P. 13–18.

⁵ Там же. P. 10–13.

⁶ Там же. P. 11–12.

⁷ Leitlinien deutscher Arktispolitik: Verantwortung übernehmen, Vertrauen schaffen, Zukunft gestalten. Auswärtiges Amt. 2019. P. 14.

чивого развития». Она ориентировалась не только на междисциплинарность и преодоление естественно-научных рамок, но и на ЦУР и «трансфер результатов исследований в процессы принятия политических и социальных решений»¹. Для координации науки, политики и бизнеса в январе 2017 г. создано Немецкое арктическое бюро. Оно было задумано в качестве консультативной площадки исследовательского сообщества с целью усилить участие страны в научной деятельности АС и выработать рекомендации немецким политикам по арктическим вопросам². Таким образом, немецкие арктические исследования стали рассматриваться как основа для политических действий [Leskien, 2021: 43], а также средства международного давления на принятие решений по Арктике.

Важной институциональной опорой для арктической стратегии ФРГ все больше становился Евросоюз, у которого изначально были схожие приоритеты в регионе. Кроме того, не имея прямого влияния на работу АС, Германия и ЕС старались прибегать к механизму нормативной силы, которая предполагает продвижение определенных стандартов и образцов поведения [Белов, 2016: 100]. В 2010-е гг. Евросоюз планомерно расширял содержание арктической стратегии, а в 2017 г. учредил должность посла по особым поручениям в Арктике [Dolata, 2020: 27]. Синхронизация с общеевропейскими арктическими приоритетами стала важнейшим внешнеполитическим вектором ФРГ, учитывая, что многие направления арктической политики Германии по Лиссабонскому договору относятся либо к исключительной, либо к общей, либо к дополнительной компетенции ЕС [Dolata, 2020: 35].

С другой стороны, общее развитие международных отношений сопровождалось ростом глобальной нестабильности. Среди ее важнейших проявлений для арктического региона необходимо отметить: 1) обострение отношений с Россией после присоединения Крыма; 2) выход США из Парижского соглашения, заявление Госдепартамента о стремлении отстаивать интересы в Арктике от посягательств России и Китая и развертывание американского флота в арктических водах (впервые с 1991 г.) в рамках учений НАТО «Единый Трезубец» (*Trident Juncture*); 3) нарастание дезинтеграционных тенденций в ЕС и деглобализационных – в мире. Это привело к ослаблению традиционных институтов международного сотрудничества в Арктике (АС и СБЕР), пересмотру арктических стратегий в сторону усиления конфликтной парадигмы, обеспечения суверенитета, безопасности, военной модернизации в регионе [Dolata, 2020: 6–7]. Возможностей для внешнеполитической активности Германии и достижения компромиссов в Арктике становилось меньше. Возникла угроза для немецких полярных экспедиций и ученых, которые опасались национализации морского дна пятью арктическими государствами [Grzela, 2015: 127–128].

Одновременно происходила ускоренная милитаризация региона, которая затронула Германию. Если в конце XX в. ФРГ проводила совместные учения в регионе только с Норвегией, то в 2000-е гг. список партнеров пополнили США и Исландия, а в 2010-е – Швеция и Финляндия [Котов, 2021: 51]. В 2019 г. Германия была за-

¹ Mare:N – Küsten-, Meeres- und Polarforschung für Nachhaltigkeit: Forschungsprogramm der Bundesregierung. Bundesministerium für Bildung und Forschung. 2016. P. 13.

² Leitlinien... 2019. P. 27.

действована в 5 арктических военных учениях¹. Активизацию военных маневров правительство обосновывало тем, что «некоторые государства активнее защищают свои интересы в Арктике военными средствами». Это «увеличивает вероятность отказа от сотрудничества» и «ставит под угрозу экономическую, экологическую стабильность и политику безопасности в регионе»². Кроме того, милитаризация региона напрямую грозила Германии запретом или ограничением морской торговли через СМП [Spohr, Hamilton, 2020: 391].

Арктическая стратегия 2019 года

В августе 2019 г. правительство представило новую редакцию «Руководящих принципов». К данному решению подтолкнул также подъем в стране молодежного экологического движения и рост популярности «Зеленых», добившихся рекордного результата на выборах в Европейский парламент. В новых «Руководящих принципах» укрепились позиции экокентрического подхода. «Центральным элементом арктической политики» провозглашалась «последовательная защита климата и окружающей среды», а «экономический потенциал Арктики» предлагалось «использовать бережливо и сбалансированно, учитывая ее особую уязвимость»³. Возможности СМП и арктического туризма должны руководствоваться «экологической совместимостью»; свобода судоходства – ориентацией на создание системы «раннего предупреждения, предотвращения и устранения ущерба»; перспективы добычи поставок арктической нефти и газа – учитывать ее негативное воздействие на окружающую среду. Зависимость страны от арктических углеводородов в документе не упоминалась⁴.

Помимо экологических требований, восходящих к «Руководящим принципам» 2013 г., приоритетами охраны окружающей среды новой стратегии провозглашались: достижение целей Парижского соглашения; сокращение выбросов черного углерода и иных вредных веществ; ужесточение экологических стандартов при добыче арктического сырья; определение и расширение особо охраняемых природных территорий в Арктике. Принцип предосторожности был дополнен принципом «загрязнитель платит»⁵.

В этой связи менялась направленность научных исследований, базировавшихся на программе «MARE:N». Акцент был смещен на важность исследования «возможностей и рисков, связанных с использованием природных ресурсов» для прогнозирования будущих процессов и достижения целей устойчивого развития⁶. Тематика устойчиво-

¹ Deutscher Bundestag. Drucksache 19/19084: Aktivitäten der Bundeswehr in der Arktis: Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Andrej Hunko, Christine Bucholz, Heike Hänsel, weiterer Abgeordneter und der Fraktion DIE LINKE. 15.06.2020. P. 2. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/199/1919973.pdf> (дата обращения: 20.07.2022)

² Там же. P. 2–3

³ Leitlinien... 2019. P. 2, 11, 13.

⁴ Там же. P. 11, 31, 33.

⁵ Там же. P. 2, 13–14, 20.

⁶ Там же. P. 28.

го развития и защиты коренного населения была расширена по сравнению с предыдущей стратегией. В отношении коренного населения «Руководящие принципы» 2019 г. требовали не только ограничения разрушительной экономической деятельности, но и политического участия на международном уровне¹. Ратификация Германией Конвенции МОТ № 169 в апреле 2021 г. свидетельствует о ее планах далее привлекать внимание к этой теме и стремлении расширить тем самым число субъектов политического давления на арктические государства. Таким образом, новая стратегия отличалась большей амбициозностью в участии страны в международной арктической политике и международно-правовом регулировании режима Арктики.

«Руководящих принципов» 2013 и 2019 гг. существенно отличаются к сфере безопасности арктического региона. Новая стратегия отмечала риски «спирали вооружений» и «вероятности отказа от сотрудничества». При декларировании «противодействия милитаризации» и стремлении сохранить Арктику как «регион с низким уровнем конфликтов», ФРГ предлагала «более активное участие ЕС и НАТО в вопросах безопасности Арктики» и «взаимный обмен опытом и совместные учения между Бундесвером и партнерами»². В 2021 г. Германия начала обновление разведывательной авиации, закупив 5 самолетов P-8A «Посейдон» (P-8A *Poseidon*) [Paul, Swistek, 2021: 4–6]. При этом в военной сфере ФРГ не станет играть в Арктике самостоятельной роли и будет опираться на стратегию и потенциал НАТО [Wegge, 2020: 374–376].

Заключение

Эволюция арктической стратегии ФРГ обусловлена тремя основными факторами: степенью проникновения в регион; международно-политическими сдвигами; внутривнутриполитической дискуссией и коалиционным раскладом в Бундестаге. Вытеснение прагматичного подхода эгоцентрическим составило основную линию развития арктической стратегии в 2010-е гг.

Выборы в Бундестаг 2021 г., принесшие победу социал-демократам и «зеленым», должны были усилить эгоцентризм, однако кардинальных решений не было принято. В коалиционном договоре 2021 г. Арктика не упоминается, поэтому судить об арктической политике новой коалиции можно либо на основе «Руководящих принципов» 2019 г., либо по упоминанию в коалиционном договоре проблем, затрагивающих регион³.

При этом очевиден кризис традиционных немецких подходов к арктической стратегии в новой международно-политической реальности. Перспективы глобальных соглашений сведены к минимуму, следовательно, любые инициативы в рамках эгоцентрического подхода становятся затруднительными. Антироссийские санкции, перспективы ограничений полярных исследований и судоходства по СМП

¹ Там же. Р. 37–38.

² Там же. Р. 23–25.

³ Mehr Fortschritt wagen: Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit: Koalitionsvertrag 2021–2025 zwischen der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (SPD), Bündnis 90 / Die Grünen und den Freien Demokraten (FDP). 2021. Р. 8, 19–20, 36–41, 154.

также наносят удар по прагматическому подходу. Это может способствовать отходу от традиционных арктических парадигм и сокращению влияния ФРГ в регионе. В этой связи в реализации арктической стратегии усилится зависимость Германии от наднациональных структур. Тенденция на расширение военного присутствия и опора на механизмы НАТО в регионе может получить свое дальнейшее расширение.

Другой опорой станет Евросоюз, потенциал которого недостаточно раскрыт в «Руководящих принципах» 2013 и 2019 гг. Однако в условиях прекращения работы АС как основной площадки реализации германской арктической стратегии, именно активизация ЕС и его институтов позволит минимизировать угрозу исключения из арктической политики. Безуспешные попытки Евросоюза стать наблюдателем в АС сближали позицию ЕС с Германией и другими неарктическими государствами Европы. Арктическая стратегия Комиссии от 13 октября 2021 г. по структуре и содержанию схожа с немецкой: важное значение придается борьбе за экологию, изменению климата и проблемам устойчивого развития. При этом Евросоюз позиционирует себя как самостоятельный «геополитический фактор», независимый от «арктической восьмерки» [Тимошенко, 2021: 33–34].

В развитии немецкой арктической стратегии независимо от доминирования того или иного похода можно зафиксировать ряд устойчивых позиций, которые не будут подвергаться пересмотру в будущем. К ним можно отнести ориентацию на устойчивое развитие, существующее международное право и институты; ужесточение экологических и технических стандартов; продвижение немецких технологий, как наиболее соответствующих этим стандартам; поддержку доступности арктических исследований и стремление их конвертировать в механизмы «нормативной силы»; сближение с арктической политикой ЕС; поддержку политических притязаний коренного населения арктических стран; борьбу с глобальным потеплением и расширение сети морских охраняемых районов. Руководствуясь этими принципами, располагая передовыми полярными технологиями и являясь лидером в научных исследованиях Арктики, ФРГ старается придать своим требованиям нормативный характер и расширить тем самым степень участия в делах региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белов В.Б. (2015) Интересы ФРГ и германо-российское сотрудничество в Арктике. *Современная Европа*. № 3. С. 43–48. DOI: 10.15211/soveurope320154348

Белов В.Б. (2016) Стратегия Германии в Арктике. *Арктика и Север*. № 24. С. 96–104. DOI:10.17238/issn2221-2698.2016.24.96

Котов А.В. (2021) Арктический вектор внешней политики Германии. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 2(20). С. 48–54. DOI:10.15211/vestnikieran220214854

Попов И.Д., Подоплёкин А.О. (2021) Арктическая повестка во внутривнутриполитическом дискурсе современной Германии. *Современные исследования социальных проблем*. Т. 13. № 1. С. 108–129. DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-1-108-129

Тимошенко Д.С. (2021) Арктическая стратегия Еврокомиссии: вызов для России или мера вынужденной интеграции? *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 32. С. 32–39. DOI: 10.15211/analytics43220213239

- Dolata P. (2020) A Balanced Arctic Policy for the EU. Policy Department for External Relations. PE 603.498. European Parliament, Brussels, Netherlands. 50 p. DOI: 10.2861/42779
- Grzela J. (2015) Germany's Arctic Policy – Between Economy and Ecology, *Athenaeum. Polskie Studia Politologiczne*, Vol. 48. P. 119–132. DOI:10.15804/athena.2015.48.09
- Haftendorn H. (2012) Der Traum vom Ressourcenreichtum der Arktis. *Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik*. Vol. 5. P. 445–461. DOI: 10.1007/s12399-012-0266-3.
- Leskien S. (2021) Die Wissenschaft als Wegbegleiterin zur Umsetzung der Leitlinien Deutscher Arktispolitik. *Polarforschung*. Vol. 89. Issue 1. P. 37–45. DOI:10.5194/polf-89-37-2021
- Lindemann M. (1869) *Die Geschichte der deutschen Arktis-Fischerei*. Ustus Perthes, Gotha, Germany. 128 p.
- Paul M., Swistek G. (2021) Deutschland im arktisch-nordatlantischen Raum: Russlands militärische Aktivitäten brauchen Aufklärung. *SWP-Aktuell*. No. 74. P. 1–7. DOI:10.18449/2021A74
- Rudloff B. (2010) *The EU as fishing actor in the Arctic: Stocktaking of institutional involvement and existing conflicts*, SWP, Berlin, Germany. 58 p.
- Spohr K., Hamilton D.S., Moyer J.C. (ed.) (2020) *The Arctic and World Order*. Foreign Policy Institute, Henry A. Kissinger Center for Global Affairs, Washington, USA. 415 p.
- Wegge N. (2020) Arctic Security Strategies and the North Atlantic States. *Arctic Review on Law and Politics*. Vol. 11. P. 360–382. DOI:10.23865/arctic.v11.2401

Evolution of the Arctic Strategy of the Federal Republic of Germany

I.D. Popov*

*Candidate of Sciences (History),
Docent of the World History Department, Northern (Arctic)
Federal University named after M.V. Lomonosov
Naberezhnaya Severnoi Dviny, d. 17, Arkhangelsk, Russia, 163002
E-mail: i.d.popov@narfu.ru

A.O. Podoplekin**

*Candidate of Sciences (History),
Lead research fellow, Laboratory of Social-Cultural Dynamics of Development of the Arctic
Regions of the Russian Federation, deputy director, N.P. Laverov Federal Center for Integrated
Arctic Research of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, member of Social
and Humanities Working Group of the International Arctic Science Committee
Naberezhnaya Severnoi Dviny, d. 23, Arkhangelsk, Russia, 163000
**E-mail: podoplekin@mail.ru*

Abstract. The article traces the development of the Arctic strategy of the Federal Republic of Germany in order to identify the evolution of its priorities and main factors. In the understanding of the Arctic strategy, two opposite approaches were formed among German official circles: pragmatic, aimed at maximum extracting economic benefits with rather modest claims for international legal regulation of the Arctic regime and ecocentric which proceeds from the environmental protection priority of the Arctic region and insists on more active international positioning of Germany to solve these problems. Each approach was represented by certain political forces, groups of interests and even ministries. During the 2010s, the pragmatic approach was gradually being replaced by the ecocentric. On the other hand, Germany was more and more skeptical about the possibility of preventing a geopolitical race in the Arctic and therefore systematically expanded its mil-

itary presence in the region. German Arctic policy is based on current international law and institutions, as well as focuses on the aspiration to bring more strict environmental and technical standards to them, and wide financial support of Arctic research and the assertion of its freedom; synchronization with the Arctic policy of the EU; consideration for the interests of the indigenous population; technological export; active prevention of global warming and expansion of marine protected areas in the Arctic.

Key words: Arctic strategy, German Arctic policy, Arctic, Germany, Russian-German relations, strategic documents.

DOI: 10.31857/S0201708323010035

EDN: orrjrh

REFERENCES

- Belov V. B. (2015) Interesy FRG i germano-rossijskoe sotrudnichestvo v Arktike [Interests of Germany and German-Russian cooperation in the Arctic], *Sovremennaja Evropa*, 2, pp.43–48. DOI: 10.15211/soveurope320154348. (In Russian).
- Belov V. B. (2016) Strategija Germanii v Arktike [Germany's strategy for the Arctic], *Arktika i Sever*, 24, pp. 96–104. DOI:10.17238/issn2221-2698.2016.24.96. (In Russian).
- Dolata P. (2020) A Balanced Arctic Policy for the EU. Policy Department for External Relations. PE 603.498, European Parliament, Brussels, Netherlands. 50 p. DOI: 10.2861/42779
- Grzela J. (2015) Germany's Arctic Policy – Between Economy and Ecology, *Athenaeum. Polskie Studia Politologiczne*, 48, pp. 119–132. DOI:10.15804/athena.2015.48.09
- Haftendorn H. (2012) Der Traum vom Ressourcenreichtum der Arktis. *Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik*, 5, pp. 445–461. DOI: 10.1007/s12399-012-0266-3.
- Kotov A.V. (2021) Arkticheskij vektor vneshnej politiki Germanii [The Arctic vector of German foreign policy], *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*, 2, pp. 48–54. DOI 10.15211/vestnikieran220214854. (In Russian).
- Leskien S. (2021) Die Wissenschaft als Wegbegleiterin zur Umsetzung der Leitlinien Deutscher Arktispolitik, *Polarforschung*, 89(1), pp. 37–45. DOI:10.5194/polp-89-37-2021
- Lindemann M. (1869) *Die Geschichte der deutschen Arktis-Fischerei*, Ustus Perthes, Gotha, 128 p.
- Paul M., Swistek G. (2021) Deutschland im arktisch-nordatlantischen Raum: Russlands militärische Aktivitäten brauchen Aufklärung, *SWP-Aktuell*, 74, pp. 1–7. DOI:10.18449/2021A74
- Popov I. D., Podoplekin, A.O. (2021) Arkticheskaja povestka vo vnutripoliticheskom diskurse sovremennoj Germanii [Arctic agenda in the internal political discourse of contemporary Germany], *Modern Studies of Social Issues*, 13(1), pp. 108–129. DOI:10.12731/2077-1770-2021-13-1-108-129. (In Russian).
- Rudloff B. (2010) *The EU as fishing actor in the Arctic: Stocktaking of institutional involvement and existing conflicts*, SWP, Berlin. 58 p.
- Spohr K., Hamilton D.S., Moyer J.C. (ed.) (2020) *The Arctic and World Order*, Foreign Policy Institute, Henry A. Kissinger Center for Global Affairs, Washington, USA, 415 p.
- Timoshenko D.S. (2021) Arkticheskaja strategija Evrokomissii: vyzov dlja Rossii ili mera vynuzhdennoj integracii? [The Arctic Strategy of the European Commission: a challenge for Russia or a measure of forced integration?], *Analytical reports of the IE RAS*, 32, pp. 32–39. DOI: 10.15211/analytics43220213239 (In Russian).
- Wegge N. (2020) Arctic Security Strategies and the North Atlantic States, *Arctic Review on Law and Politics*, 11, pp. 360–382. DOI:10.23865/arctic.v11.2401